

Н.В.Ракуц

Раздавленная утопия: иезуитские миссии в бассейне Ориноко (XVII—XVIII вв.)

В статье рассматривается миссионерская деятельность иезуитов в бассейне Ориноко. Несмотря на особенности индейских культур этого района, здесь были созданы миссии, деятельность части которых можно признать вполне успешной, хотя и не настолько, как в Парагвае. Для науки особенно важен вклад оринокских иезуитов в изучение географии, естественной истории, языкознания и этнографии современных Венесуэлы и Колумбии.

Ключевые слова: иезуиты, индейцы, араваки, карибы, «летучие» миссии, редукции, инкультурация.

Миссии иезуитов в бассейне р. Ориноко, как и те, что находились в верховьях Амазонки и в современной Восточной Боливии, долгое время не вызывали особого интереса даже в научных кругах, в отличие от знаменитых парагвайских. Между тем так называемые «редукции» в провинциях Мохос и Чикитос были по многим параметрам сходны с ними, как мы старались показать в одной из недавних статей¹. И то же самое, с известными оговорками, можно сказать и про оринокские миссии, существовавшие в совершенно иных условиях. Они хорошо известны сегодня ученым Венесуэлы и Колумбии (что и понятно, они располагались на территориях этих стран), но мало где еще. Ведь на Ориноко, по естественным причинам (недолговечные стройматериалы), не осталось столь впечатляющих памятников архитектуры и изобразительного искусства, как в других местах. И все же эти миссии заслуживают внимания хотя бы из-за неожиданно большого количества (и, добавим, хорошего для того времени научного качества) печатной продукции, авторами которой были как раз оринокские иезуиты². Часть ее была опубликована еще при жизни авторов и получила заслуженно высокую оценку европейских ученых, таких, как Александр фон Гумбольдт (Хосе Гумилья, Фелипе Сальваторе Джили). Другие, долго ждав-

Николай Викторович Ракуц — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра культурологических исследований ИЛА РАН (Ychma@rambler.ru).

Карта иезуитских миссий в Новой Гранаде

шие своего часа (Хуан де Риверо и др.), со времени их публикации и до сего дня также пользуются авторитетом у специалистов различных отраслей знания.

В литературе на русском языке о них нет практически ничего, особенно если говорить о работах, доступных широкой публике. Эту тему проигнорировали не только энциклопедии по Латинской Америке, но и труды, посвященные истории конкретных стран (Венесуэлы, Колумбии). Перед началом работы над данной темой автору была известна лишь одна статья в специальном научном журнале³. Но даже то недолгое время, которое удалось использовать для работы «по следам» в архиве иезуитов в Риме, показало, что такое игнорирование столь знаменательного явления культуры двух южноамериканских стран, как иезуитские редукции, явно незаслуженно. Неслучайно, например, одна из современных работ по истории деятельности Общества Иисуса на землях Венесуэлы именуется «Иезуиты и корни венесуэльской идентичности»⁴. Но эта тема в данном кратком очерке, естественно, не может быть рассмотрена. В нашем случае цель скромнее: дать общее представление о миссионерской работе иезуитов в специфических условиях Бассейна Ориноко.

В начале XVII в. в Новом королевстве, как его тогда называли (Nuevo Reino, будущее вице-королевство Новая Гранада на территориях современных Колумбии, Венесуэлы и Эквадора) сложилась невиданная ситуация: моральный и нравственный авторитет церкви был крайне низок, и это положение оказалось очень устойчивым, судя по тому, что и много позже, даже во второй половине следующего столетия, королевские чиновники-

Иезуит-странник

инспекторы и исследователи Хорхе Хуан и Антонио де Ульоа сравнивали, например, францисканские и доминиканские монастыри не иначе как с борделями. А в XVII в., когда эта территория административно входила еще в Перу, деятельный архиепископ Бартоломе Лобо Герреро попросил короля Испании прислать туда иезуитов для работы среди индейцев, ибо миссионерская деятельность на данной территории к тому времени практически прекратилась. Основаниями он выдвигал то, что иезуиты быстро выучат языки туземцев (чего совершенно не делали и не желали делать другие служители церкви), смогут наставить индейцев в христианской вере, чтобы затем передать соответствующие поселения приходским священникам и монахам других орденов и начать работать с прочими индейцами, еще не обращенными. Так иезуиты появились на территории современной Колумбии, и уже в 1611 г. была создана независимая от Перу иезуитская провинция Нуэво Рейно и Кито (территории современных Колумбии, Венесуэлы и Эквадора и отчасти Гвианы).

Иезуиты полностью оправдали надежды архиепископа. Быстро освоив язык чибча, они открыли в своем колледже в Санта-Фе-де-Боготá кафедру по изучению этого языка и перевели на него религиозные тексты. Уже здесь они встретились с враждебным отношением соперников (зачем переводить богослужебные книги на язык дикарей?), а работа среди чибчаязычных индейцев восточных районов столкнула их, как и везде, с местными испанскими землевладельцами из-за отрицательного отношения миссионеров к закабалению индейцев и их принудительному труду в шахтах, тем более, что в саванну на работу гнали жителей гор, и гибель их в непривычном климате была массовой. В Картахене иезуиты и вовсе взяли за неподобающее дело — стали работать среди ввозимых туда негров-рабов (опять же уча их языки), и падре Алонсо де Сандоваль написал даже большой труд о негритянских обычаях, расовых группах и т.п.⁵. Результат такой деятельности предсказать было легко. Как и в других случаях, иезуитские «правозащитники» в обстановке всеобщей вражды к ним тех, кто наживался на труде индейцев (т.е. практически всех «белых», точнее «неиндейцев», которые работать считали зазорным), вынуждены были уходить подальше от «цивилизации», на границы испанской империи, на земли, не представлявшие интереса для помещиков и не имевшие драгоценных ме-

таллов. Так они пришли в восточные Льяносы обширной области Касанаре, а позже и далее, к рекам Мета и Ориноко. Всего на этих землях в разное время иезуитами было основано не менее 50 редуций, автономных индейских поселений под контролем миссионеров, однако, на момент изгнания из Америки иезуиты, согласно описи, руководили 24 сохранившимися поселениями с общей численностью жителей около 15 тыс. человек⁶. При этом собственно редуций было девять в Льяносах Касанаре и шесть — на Ориноко (всего около 10 тыс. человек). Это показывает, что здесь сложилась не совсем обычная картина: поселение индейцев могло контролироваться миссионерами не будучи редуцией, т.е. сохраняя свою прежнюю структуру. Причин для такой своеобразной ситуации было много.

Во-первых, в силу разных обстоятельств — политических или из-за конфликтов с испанскими и креольскими землевладельцами — иезуитов не раз заставляли уходить с территорий, где они уже утвердились. Так, например, в середине XVII в. была сорвана попытка испанских иезуитов обосноваться на территории современной венесуэльской Гуайаны (1646 г.) и французских иезуитов создать миссии в низовьях Ориноко несколькими годами позже (1651 г.). Французы пришли туда с Малых Антильских островов, и хотя они никоим образом не претендовали на ущемление испанского суверенитета над этими территориями, активность проповедников так испугала испанские власти, что под их давлением оба проекта, гвианский и оринокский, были сорваны уже в 1681 г.⁷, и все уже основанные редуции постепенно прекратили свое существование. В результате вновь на Ориноко испанские иезуиты появились лишь в 1731 г., придя немногим ранее на берега р. Меты (1723 г.). Как следствие, если не считать шести редуций Касанаре, просуществовавших с 1661 по 1767 г., т.е. 106 лет, история миссий на реках Мете и Ориноко была гораздо короче (1723—1767 гг. в первом случае и 1731—1767 во втором)⁸. Так что при столь малом периоде существования этих миссий можно не только понять, почему они многого не успели, но и удивляться тому, сколь же много миссионеры все-таки успели сделать. Причину, по которой они все же вернулись на Ориноко после первого провала, помогает предположить небольшая книжка французского иезуита Пьера Пельпра, полгода проработавшего в миссии в низовьях Ориноко. Он очень радужно оценил возможности евангелизации индейцев в главах, посвященных их обычаям и «суевериям» (религии у индейцев с его, вполне распространенной тогда точки зрения, не было никакой). По его утверждению, он на собственном опыте убедился, что здесь можно было начинать с «чистого листа» и вполне надеяться на успех⁹. Это сочинение вышло уже в 1655 г., т.е. стало одним из самых ранних известных европейцам не полуфантастических, как книга Уолтера Рэйли¹⁰, а вполне реалистичных для того времени описаний этого района и его жителей.

Во-вторых, у миссий и здесь было достаточно врагов. Но на Ориноко самыми страшными были не испанские землевладельцы или даже португальские охотники за рабами, а индейские союзники голландцев — карибы Гвианы, вооруженные огнестрельным оружием и прекрасно ориентировавшиеся в той местности, речных путях и т.д. От их набегов за рабами, поставлявшимися на голландские плантации, погибла вместе с миссионерами не одна редуция, точнее в период 1684—1694 гг. все еще существовавшие редуции были уничтожены, лишь часть удалось восстановить много позже, да и уцелевшее население разбежалось.

Падре Хосе Гумилья

(кроме тех, что пали в ходе набегов карибов), здесь не было восстаний против миссионеров, как на Амазонке, в Чили, в провинции Мохос... Тогда при желании индейцам всегда было куда уйти...

Особенностью миссий Оринокии было также присутствие в некоторых из них солдат из-за необходимости отражения угрозы со стороны карибов, поскольку огнестрельное оружие у индейцев миссий отсутствовало. Но поведение солдат, подчас не очень-то считавшихся с указаниями миссионеров, уже само создавало проблемы и также провоцировало случаи бегства населения.

Кроме того, иезуитам не давало свободы действий в Оринокии еще одно обстоятельство: здесь были установлены четкие границы, в которых имел право действовать каждый из занимавшихся миссионерской деятельностью религиозных орденов, что подогревало их соперничество. Индейцы, как и на Амазонке, также пользовались этим при случае: не нравилось у одних миссионеров — уходили к другим.

И, наконец, серьезнейшей проблемой стал мультилингвизм индейцев, возможно, больший, чем во многих других районах Америки. Времени на «создание» некоего «лингва франка» у миссионеров просто не оказалось, хотя они и разобрались в преимущественном распространении в Оринокии языков, принадлежавших, как мы бы теперь сказали, к аравакской и карибской языковым семьям. Но ими дело отнюдь не ограничивалось. Выдающийся лингвист, итальянский иезуит Фелипе Сальваторе Джили, бывший миссионером на Ориноко 18 лет, вплоть до изгнания Общества Иисуса из испанских владений, в середине XVIII в. насчитал на Ориноко девять «главных языков», т.е., используя современную терминологию, языковых семей. К тому же почти все конкретные языки имели весьма небольшое

В-третьих, в Оринокии миссионеры столкнулись с ситуацией, во многом напоминающей таковую в верховьях Амазонки. Проблемой был кочующий образ жизни (у кого в большей, у кого в меньшей степени) практически всех индейских групп, обитавших в Бассейне Ориноко, что было обусловлено конкретными природными условиями и, соответственно, типом хозяйства, сочетавшего земледелие (если оно вообще было) с собирательством, рыболовством и охотой. Поэтому даже там, где индейцев удавалось привлечь благами оседлого образа жизни, бывали случаи, что редукции приходилось, по желанию их жителей, не раз переносить с места на место (а места эти выбирали, согласно правилам, сами же индейцы). Бегство из редукций, иногда всего их населения, по разным причинам тоже было нередким явлением. Но любопытно, что в Оринокии ни один миссионер не погиб от рук индейцев

количество носителей. Поэтому миссионеру приходилось, как правило, осваивать несколько местных наречий, притом, что возможности их использования были ограничены, а времени и сил на освоение они требовали подчас немалых. Одним из результатов этого стал начавшийся уже при иезуитах процесс, к каковому сами они отнюдь не стремились, — вытеснения индейских языков испанским (с учетом активизации движения испанских колонистов в Оринокию) даже в тех редукциях, где по необходимости оказывались собранными группы, говорившие между собой на разных языках.

По данным тех же миссионеров, в Оринокии большим было и количество индейских «наций», при всей неточности и расплывчатости этого термина. Например, падре Ф.С.Джили насчитал 9 наций на нижнем Ориноко, 30 — на среднем и 7 — на верхнем и указал, что в течение года каждая нация несколько раз меняет места обитания. Столетием ранее П.Пельпра насчитывал 6 разных наций в округе в 50 лиг (около 300 км) на нижнем Ориноко, а его начальник, Денис Месланд, полагал, что на берегах только небольшой реки Гуарапиче было 60 наций¹¹.

С учетом того обстоятельства, что история отвела иезуитам в Оринокии слишком мало времени (сами они прекрасно сознавали, что евангелизация в редукциях требует срока в несколько поколений), можно сказать, что их предприятие было с самого начала обречено¹². Тем не менее, повторимся, сделать они успели на удивление много.

Иезуиты и в Оринокии XVIII в. действовали по той же парагвайской модели, уже опробованной и в других местах. Здесь, однако, успех был все же большим, чем, например, в верховьях Амазонки, в провинции Майнас. Среди местных индейцев Оринокии некоторые вполне принимали идею оседлого поселения. Хотя были и другие — «упрямые кочевники», точнее, бродяги — гуахибо и чирикоа, которых так и не удалось отучить от их образа жизни. Это были охотники-собиратели и по совместительству торговцы, распространявшие престижные для индейцев продукты (например, украшения) на большой территории. Как и в других подобных случаях, иезуиты просто оставили со временем работу среди этих групп ввиду ее бесперспективности. Но, создавая в этих местах редукции, куда сводились другие индейские группы, они невольно усиливали не только воздействие на местную экологию (не всегда положительное, надо заметить, хотя и куда менее вредное, чем современное) в результате внедрения нового типа хозяйства — экстенсивное скотоводство в сочетании с земледелием, — но и лишали группы охотников-собирателей их традиционного пространства, что вело к нарастанию конфликтности. В редукциях же, ими созданных, иезуиты смирились с тем, что население в них оказывалось обычно относительно невелико (редко где больше 1000 человек), индейцы просто не могли свыкнуться с жизнью крупными коллективами, хотя, конечно, новых потенциальных жителей при случае пытались туда завлечь. Но если, например, в провинциях Мохос и Чикитос или в том же Парагвае это делалось силами специальных мирных экспедиций уже крещеных индейцев во главе с миссионерами или даже без них, то в Оринокии была отнюдь не редкой фигура миссионера-одиночки. Эти люди, обладавшие железным здоровьем, хорошо знавшие по нескольку индейских языков, где пешком, где на лодках по рекам, преодолевая за суточный переход расстояние порядка 30 миль, обследовали большие территории, встречались с различны-

Титульный лист второго издания книги Гумильи, 1745 г.

ность знаний стариков, с которыми советовались по разным поводам, местных культурных традиций. В итоге иезуитами были описаны и местные психотропные вещества, использовавшиеся шаманами, и их действие, и знаменитый теперь яд кураре, и многие другие дары природы, использовавшиеся индейцами в различных целях.

Редукции сами себя вполне обеспечивали тем, что производили, но в поддержку им было создано еще пять асьенд, специальных имений, занимавшихся, прежде всего, скотоводством и выращиванием сахарного тростника. Именно в иезуитских редукциях производились разного рода опыты с сельскохозяйственными культурами — иезуиты занялись выращиванием какао, а затем падре Хосе Гумилья в 30-х годах XVIII в. впервые посадил в своей редукции кофе¹⁴. С этого и началось его победное шествие по Новой Гранаде. Так что сегодняшняя Колумбия обязана своим кофе именно иезуитам.

Не располагавшие ни такими доходами, ни таким количеством рабочей силы, как редукции парагвайские, поселки, подконтрольные иезуитам в Оринокии, выглядели, естественно, гораздо скромнее. Те же церкви в них были похожи, скорее, на большие индейские хижины и строились в основном из дерева, глины, тростника, применялись обмазанные глиной плетенки и т.п. Камень в постройках был очень редок, и церкви часто не имели колоколен. Примечательно, что украшая их росписями, иезуиты использовали те орнаментальные мотивы, которые применялись индейцами для раскраски тела¹⁵. Религиозной подоплеку они в таких росписях не видели.

По странной случайности, а, возможно и закономерности, на этой колониальной окраине работали выдающиеся научные умы своего времени, из

ми индейскими группами, убеждая их переселиться в ближайшие редукции или хотя бы осесть по соседству с ними¹³. Примечательно, что индейцы этих миссионеров не трогали, даже в случае неудачи самого предприятия. Но если вспомнить тот очевидный факт, что миссионер воспринимался индейцами в первую очередь как своего рода шаман (хотя, разумеется, и не хотел этого), а бродячие шаманы были хорошо известны по иезуитским же документам еще XVI в., например, в соседней Бразилии и в Парагвае, есть основания полагать, что и в других местах Южной Америки подобная фигура индейцам была хорошо знакома. Кстати, оринокские иезуиты, насколько можно судить по их описаниям, и к индейским шаманам относились уже несколько терпимее, чем их собратья на юге, ценили их практические знания, в частности, медицинские (поскольку и на Ориноко опасность эпидемий была велика), отмечали важ-

которых здесь возможно упомянуть лишь некоторых: padre Педро де Меркадо и Хуан де Риверо, авторы трудов по истории миссий иезуитов Новой Гранады, Х.Гумилья, написавший «Ориноко просвещенное», Ф.С.Джили, создавший уже в изгнании, в Италии, монументальный труд «Очерк американской истории» в четырех томах, своего рода оринокскую энциклопедию. Эта работа примечательна как широкой тематикой (история, география, этнография, религиоведение, ботаника, зоология, языкознание), обоснованной критикой тогдашних научных «теорий» о неполноценности Америки и ее жителей, так и богатством материала. Ведь иезуитам при депортации запрещалось брать с собой какие-либо записи. Одним из главных достижений Джили было выделение им уже в то время, на основе сравнения материалов по разным языкам, начиная с Антильских островов, языковой семьи, которую сегодня именуют аравакской. Он также порвал с известной традицией иезуитов, полагавших, что у индейцев южноамериканских низменностей не было никакой религии. Сделал он это просто — нашел у каждой конкретной нации некое представление о высшем существе (хотя еще и не различал такие понятия, принятые сегодня в антропологии, как божество или просто культурный герой). Но вывод его, понятный для священника, был вполне положительным: атеистов как таковых даже среди дикарей нет и никогда не было. К тому же у Джили, как и у ряда других его современников, замечен известный отход от того подчас резкого тона, которым описывали индейцев иезуиты Парагвая в период христианизации. Причем благожелательное отношение, свойственное уже Пельпра столетием ранее, Джили выражал постоянно, прощая индейцам их «грехи» как просто свойственные роду человеческому. Он, например, как и другие миссионеры, заметил такую характерную черту характера индейцев, как склонность ко лжи (что понятно: это была одна из стратегий «пассивного сопротивления», точнее, желания сохранить свою культурную традицию в условиях редукции, и это неплохо удавалось). Джили, однако, уже не метал громы и молнии по этому поводу, просто изобрел свой собственный эффективный способ борьбы с этой склонностью, каковой и описал в своем труде¹⁶.

Приготовление лепешек-касабе из маникоковой муки

Иезуиты Оринокии были, как и их собратья в других районах, также активными путешественниками. В частности, хотя это открытие позже было присвоено французским путешественником Шарлем Мари де ла Кондамином, они обнаружили бифуркацию (раздвоение истока) Ориноко, что позволяло совершать прямые плавания из Ориноко в Амазонку по Рио-Негро¹⁷. Хотя воспользоваться своим открытием они уже не успели.

Не уступали они своим собратьям из других провинций и в изобретательности. Как и в других местах, создав на Ориноко индейскую милицию для защиты

от набегов карибов, иезуиты, учитывая неравенство в вооружении, смогли даже обойти отсутствие разрешения на огнестрельное оружие. У них появилась... своя артиллерия. Выход был найден, как все гениальное, на удивление простой. Стволы пушек делались из крупного бамбука и обтягивались кожаными чехлами. Такая пушка выдерживала лишь десяток выстрелов, но поскольку проблем с материалом для изготовления не было, создавали специальные запасы стволов для быстрой замены вышедших из строя¹⁸. В результате карибские набеги удавалось неплохо отражать, даже при отсутствии мушкетов.

Тот факт, что даже за столь короткий срок, который был им отведен историей, иезуиты смогли создать в Оринокии несколько вполне процветающих и экономически самообеспеченных редуций, в которых работали всесторонне образованные люди, в значительной степени обязанные своим образованием уже времени, проведенном именно в Новой Гранаде, свидетельствует о том, что и здесь, как и в Парагвае, и в современной Восточной Бразилии, они, стремясь скорее «окультурить» индейца, т.е. дать ему культуру, совершенно отличную от его собственной, (но иначе тогда и быть не могло), сами стали последовательно воплощать в жизнь идею того, что с недавних пор именуют инкультурацией¹⁹. При жизни основателя Общества Иисуса И.Лойолы такого термина, разумеется, еще не было, но уже из его же поучений можно заключить, что именно такую стратегию он изначально и имел в виду. А не менее четко выразил ее причисленный позднее, как и сам основатель Общества, к лику святых, Франсиско Хавьер, объехавший Восток вплоть до Японии и погибший там. На внимательном изучении культуры индейцев настаивал и третий генерал иезуитов, также впоследствии причисленный к святым, Франсиско де Борха (генерал в 1565—1572 гг.). Суть заключалась в том, что миссионеры совершали «вживание» в культуру аборигена, чтобы затем уже последовательно изменять ее «изнутри» в нужном направлении. И там, где миссии иезуитов были успешными, можно говорить, что инкультурация им удалась. Правда, надо иметь в виду одну деталь, которую обычно забывают: само желание индейцев допустить в свою среду чужаков. Причины для него были в целом те же, что и в других областях испанской границы. Но без этого желания принять иезуитов инкультурации просто не могло быть. Индейцы, отнюдь не пассивные «приниматели» того, что им доставляли извне, были озабочены скорее сохранением своей культуры в новых для них условиях. Полезные с их точки зрения инновации (железные орудия и т.д.) они принимали прекрасно. Другие, не имевшие для них практической пользы, всячески игнорировали или саботировали (использование плуга, переселение в неподходящие места, в течение долгого времени ношение одежды и т.п.). И результат получился совсем не тот, которого ожидали сами миссионеры. Индейские традиции, как показывают современные исследования, при иезуитах как раз сохранялись (хотя и обогатились новыми элементами). И пали позже, под натиском уже республиканской колонизации. У иезуитов же, уцелевших при депортации, в процессе которой их погибло больше, чем от рук индейцев за все колониальное время, впоследствии опубликовавших свои труды в Италии, Австрии или где-либо еще, в большинстве случаев очень хорошо заметна тоска по тому миру, которого их лишили. Именно потому, что они успели в него «вжиться». Они там «состарились», как выразился Ф.С.Джли. Это был уже их мир. Даже весьма резко отзывавшийся порой об индейцах Х.Гумилья (что понятно, если учесть, что таким образом он оправдывал саму идею миссионерства), когда ему сам генерал Ордена предложил выбрать любой колледж в любой

части света, где он мог бы спокойно жить, отдыхая от трудов своих, несмотря на его сильно подорванное к тому времени здоровье, попросил как о милости разрешить ему вернуться к своим индейцам. Разрешение было дано, и он вернулся. И умер на своем любимом Ориноко, хотя даже до сих пор неизвестно, где именно, в 1750 г. Иезуитам же в изгнании остро не хватало их паствы, со всеми ее достоинствами и недостатками (последние, как отмечено выше, они вполне прощали как свойственные роду человеческому), которую они редко вспоминали иначе, как добрым словом. И книги, написанные ими, как еще в Америке, так и позже в Европе (П.Пельпра, Х. де Риверо, Х.Гумилья, Ф.С.Джили и др.), заслуженно вошли в золотой фонд американистики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Н.В.Ракущ. Иезуиты в бассейне Амазонки. — Латинская Америка, 2012, № 3, с. 62—76.

² См., например: P.Pellprat. Relato de las Misiones de los Padres de la Compañía de Jesús en las Islas y en Tierra Firme de América Meridional. Caracas, 1965; J.de Rive-ro. Historia de las misiones de los llanos de Casanare (1736?). Bogotá, 1883; J.Gumilla. Orinoco ilustrado y defendido (1745). Caracas, 1963; F.S.Gilij. Ensayo de historia americana (1784). 3 vols. Caracas, 1965, и др.

³ Э.Г.Александренков. «Orinoco Ilustrado» миссионера Гумилья как этнографический источник. — Этнографическое обозрение, 2002, № 6, с. 17—28.

⁴ J.de l Rey Fajardo. Los Jesuitas y las raíces de la venezolanidad. — Provincia, N 016. Mérida, 2006, p. 163—191.

⁵ См.: M.C.Navarrete. La representación jesuítica de los etíopes del siglo XVII desde las Cartas Annuas. — Memoria y Sociedad, 2006, v. 10, N 21.

⁶ A.Santos Hernández. Actividad misionera de los jesuitas en el continente americano. — Misiones jesuíticas en la Orinoquia (1625—1767). San Cristóbal, 1992, t. I, p. 11; J.de l Rey Fajardo. Los jesuitas y las lenguas indígenas venezolanas. — Ibid., t. II, p. 9—13.

⁷ J.de l Rey Fajardo. Introducción al estudio de la historia de las misiones jesuíticas en la Orinoquia. — Misiones jesuíticas en la Orinoquia, t. I, p. 278—279.

⁸ J.de l Rey Fajardo. Los jesuitas y las lenguas indígenas... p. 26—27.

⁹ P.Pellprat. Op. cit., p. 68, 81.

¹⁰ У.Рэйли (1552/1554—618), фаворит английской королевы Елизаветы I, совершил две экспедиции (в 1595 и 1616 гг.) на Ориноко в поисках мифического Эльдорадо, обе неудачные. По результатам первой из них была написана книга: W.Raleigh. The Discoverie of the Large. Rich and Bewtiful Emprye of Guiana (1596). Manchester, 1997.

¹¹ L.Duque Gómez. Visión etnológica del Llano y el proceso de la evangelización. — Misiones Jesuíticas en la Orinoquia, t. I, p. 683—715; F.S.Gilij. Ensayo de historia americana, t. I, p. 28—29; J.de l Rey Fajardo. Estudio preliminar.— P.Pellprat. Relato de las Misiones..., p. 68.

¹² J.de l Rey Fajardo. Una utopía sofocada: reducciones jesuíticas en la Orinoquia. Madrid, 2001, p. 36.

¹³ Ibid., p. 52

¹⁴ F.González Mora. Arquitectura y urbanismo en las reducciones y haciendas jesuíticas en los Llanos de Casanare, Meta y Orinoco, siglos XVII—XVIII. — Apuntes, 2003, N 23, p. 109.

¹⁵ F.González Mora. Arquitectura del templo misionero en las reducciones jesuíticas del Casanare, Meta y Orinoco, siglos XVII-XVIII. — Apuntes, vol. 20, N 1, p. 34—49.

¹⁶ F.S.Gilij. Op. cit., t. I, p. 127—128.

¹⁷ M.A.Donís Ríos. La cartografía jesuítica en la Orinoquia (siglo XVIII). — Misiones jesuíticas en la Orinoquia, t. I, p. 838.

¹⁸ I.Lévano Aguirre. Los grandes conflictos sociales y económicos de nuestra historia. Bogotá, 1996.

¹⁹ L.Martínez Ferrer. L'inculturazione al servizio della persona umana. Il ricorso ai huehuetlahtolli aztechi per l'evangelizzazione del Messico (s. XVI). — Cristo nel cammino storico dell'uomo. Città del Vaticano, 2002, p. 199—226; L.Mujica Bermúdez. Aculturación, inculturación e interculturalidad. — Fenix, 2001—2002, N 43—44, p. 55—78.